

Шосткин А. П. Нравственно-воспитательное значение музыки, по воззрениям Платона и Аристотеля: [Актовая речь] // Богословский вестник 1898. Т. 4. № 10. С. 48–74 (2-я пагин.).

Нравственно-воспитательное значеніе музыки,

по воззрѣніямъ Платона и Аристотеля.

(Рѣчь, произнесенная въ сокращеніи на публичномъ актѣ Московской Духовной Академіи 1-го октября 1898 года.)

Ваше Преосвященство,
Ваше Высокопреподобіе
и все досточтимое собраніе!

Позвольте предложить вашему вниманію нѣсколько замѣчаній *о музыкѣ*, какъ главномъ средствѣ *нравственнаго* воспитанія, по мыслямъ Платона и Аристотеля. Для нашего времени въ этихъ мысляхъ древне-греческихъ мудрецовъ есть много оригинальнаго и своеобразнаго, чего теперь у педагоговъ не встрѣчается.—и уже по этому одному знакомство съ ними не безъинтересно; но можетъ статься, что мысли эти не настолько изобилуютъ натяжками и преувеличеніями, чтобы ихъ стоило лишь забыть и сдать навсегда въ архивъ, какъ совсѣмъ непригодныя для современной педагогики.

Приступая къ изложенію этихъ мыслей, мы должны напередъ заявить, что имѣемъ въ виду музыку въ теперешнемъ смыслѣ слова и будемъ говорить собственно *объ инструментальной музыкѣ и пѣніи*. Такая предварительная оговорка необходима потому, что у древнихъ грековъ понятіе музыки (*μουσική τέχνη*) имѣло два значенія,—болѣе широкое и болѣе тѣсное: въ широкомъ смыслѣ слова музыкальное образованіе, въ противоположность гимнастическому, обнимало собою все, относящееся къ развитію *духовной* природы челоѣка въ ея интеллектуальной, нравственной и эстетической сторонахъ, такъ что въ это обширное понятіе входили

и чтеніе съ нисѣмомъ, и изученіе грамматики съ поэзіей, и изученіе математическихъ наукъ съ философіей, и, наконецъ, музыка въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, въ какомъ понимается она теперь у насъ. Только объ этой-то послѣдней части музыкальнаго образованія и будетъ сейчасъ рѣчь.

Первое, что особенно заслуживаетъ нашего вниманія, это—рѣшительное убѣжденіе Платона и Аристотеля въ глубокомъ и неотразимомъ *вліяніи музыки и пѣнія* на всю душевную жизнь человѣка, въ частности - на образованіе и складъ *правственнаго* характера. Вотъ, напримѣръ, одно разсужденіе Платона въ „Политикѣ:“ ¹⁾ „Главнѣйшая пища (воспитываемаго юношества) заключается *въ музыку*, такъ какъ ритмъ и гармонія особенно глубоко проникаютъ во внутреннее святилище души, сильнѣйшимъ образомъ трогаютъ ее и дѣлаютъ благопристойною, если кто питается правильно, а когда нѣтъ,—выходитъ противное“ ²⁾ Воспитанный этимъ надлежащему (весьма) живо чувствуетъ, какъ скоро что улущено, или неловко отдѣлано, или нехорошо произведено. Бывъ расположенъ къ справедливому негодованію, онъ хвалитъ прекрасное, съ радостію принимаетъ его въ душу и, питаясь имъ, становится честнымъ и добрымъ человѣкомъ, а по tydное дѣло порицаетъ и ненавидитъ отъ самой юности, прежде чѣмъ можетъ дать себѣ въ томъ отчетъ“ ³⁾.

Здѣсь—мы видимъ - философъ говоритъ о музыкѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, не о наукахъ и поэзій, а именно о ритмѣ и гармоніи, и находитъ въ ней такъ много нищидя нравственнаго образованія человѣка, что, питаясь ею правильно, можно сдѣлаться честнымъ и добрымъ, развить въ

¹⁾ Надобно замѣнить, что какъ Платонъ, такъ и Аристотель, трактуютъ о воспитаніи главнѣмъ образомъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ одинаковое заглавіе: „Политика“, при чемъ Платонъ беретъ воспитывать преимущественно сословіе воиновъ или стражей государства, а Аристотель—свободныхъ политическихъ дѣятелей.

²⁾ *Κυριώτατη ἰν αἰσθητῶ τροφῇ, ὅτι πάλαι καταβάται εἰς τὸ ἐνὸς τῆς ψυχῆς ὃ τὸ φρόνημα καὶ ἀρετὴ καὶ ἐξάρμοιστάται ἄλλατα αἰσθητῆς.* (Полит. III, 401, d—e). Позволяемъ себѣ иногда уклоняться отъ существующихъ переводовъ, когда въ нихъ недостаточно сильно или не совсемъ точно передается мысль подлинника. Во всѣхъ гакихъ случаяхъ мы будемъ представлять выписки греческаго текста.

³⁾ Полит. III, 401, d—402, a. (Перев. Карнова.)

себѣ любовь къ прекрасному и отвращеніе къ постыдному, способность хвалить первое и порицать послѣднее, когда еще умъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета въ этомъ.

II въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія Платонъ съ рѣшительностью утверждаетъ, что *музыка образуетъ нравы* стражей, т. е. чрезъ гармонию сообщать имъ не то-что знаніе, а какую-то благонастроенность, чрезъ ритмъ приучаетъ къ такту, да и рѣчамъ даетъ подобныя же свойства, какія сама имѣетъ, будутъ ли эти рѣчи вымысленны, или истинны¹⁾. Однимъ словомъ, музыка „*посредствомъ гармоническихъ звуковъ дѣйствуетъ на душу и внушаетъ ей любовь къ добродѣтели*“²⁾.

Таково дѣйствіе музыки, если пользоваться ею *правильно*. Наоборотъ, „*злоупотребленіе* ею, по словамъ Платона, влечетъ *самыя гибельныя слѣдствія, портитъ нравы*“³⁾. А вотъ и примѣръ того, какъ злоупотребленіе музыкою портитъ нравъ человѣка. „Пусть,—говоритъ Платонъ,—пусть кто-либо позволить своей душѣ обворожаться музыкою, и чрезъ уши, какъ чрезъ каналъ, вливаетъ въ нее сладкіе, нѣжные и жалобныя звуки гармоніи, и пусть эти мягкіе звуки нѣсни увеселяютъ его во всю жизнь: сперва, если у него были сколько-нибудь горячности (*θυμοειδής*), онъ умягчаетъ ее, какъ желѣзо, и безполезное жесткое превращаетъ въ полезное; потомъ, не переставая позволять ей это и долѣе, по чаруя ее, онъ растопляетъ ея чувство и перегоняетъ (*λείπει* изводитъ по каплямъ) до тѣхъ поръ, пока не выпонитъ изъ него сердечнаго жара (*θυμός*), не изсѣчетъ изъ души какбы нервовъ и не сдѣлаетъ воина изнѣженнымъ... II если съ самаго начала онъ получилъ природу безъ сердечной горячности, то выйдетъ такимъ скоро; а когда природа его была горяча,—ослабитъ ея жаръ и сдѣлаетъ ее удобовозбуждаемою, скоро раздражающеюся и охладѣвающею отъ причинъ ничтожныхъ. Такимъ образомъ, вмѣсто сердечнаго жара, исполнившись чувствомъ недовольства, люди становятся желчны и вздорчны“⁴⁾. Итакъ, по Платону, злоупотреб-

1) Полиг. 522, а.

2) О законахъ, стр. 85. Срав. ЗС 2. (Перев. Оболенскаго.)

3) Ibid. 76

4) Полиг. 411, а - b - c.

леніе музыкою можетъ въ конецъ разстроитъ нервы у чело-
вѣка, сдѣлать его изнѣженнымъ, раздражающимъ и охладѣвающимъ отъ причинъ ничтожныхъ, всегда и всѣмъ
недовольнымъ, желчнымъ и вздорчивымъ,— тогда какъ пра-
вильное занятіе музыкою сообщаетъ душѣ благонастроен-
ность, даетъ въ результатѣ благодущіе (*εὐψυχία*).

Въ свою очередь и Аристотель—достойный ученикъ ве-
ликаго Платона—такъ же высоко цѣнили нравственно-воспи-
тательное значеніе музыки. Доказывая, что музыка имѣетъ
вліяніе на самый характеръ челоуѣка и что „*посредствомъ
музыки мы можемъ развитъ въ себѣ тѣ или другія нрав-
ственныя склонности,*“ онъ говоритъ: „моральное зна-
ченіе музыки состоитъ въ томъ, что подѣ вліяніемъ ея, мы
испытываемъ чистое удовольствіе—истинно любимъ или нена-
видимъ“. „Посредствомъ ритмовъ и мелодій музыка можетъ
подражать настроенію гнѣва и кротости, а также мужеству
и спокойной разсудительности, равно какъ и всѣмъ прочимъ
состояніямъ нашей души, и при томъ подражать такъ близко
къ естественнымъ проявленіямъ этихъ состояній въ дѣй-
ствительности, что, слушая тѣ или другіе ритмы и мелодіи,
мы сами настраиваемся въ душѣ своей такъ или иначе. А
испытывая печаль или радость отъ подобій, мы привыкаемъ
чувствовать тоже и въ дѣйствительности“... „Иная гармо-
нія, какъ, напримѣръ, миксолидійская, настраиваетъ насъ
печально, такъ что, слушая ея, мы испытываемъ стѣснен-
ное состояніе духа; другая же болѣе легкая музыка приво-
дитъ насъ въ болѣе развязное состояніе; среднее настроеніе
духа, настроеніе рогное и спокойное, преимущественно
производить въ насъ гармонія дорійская, а фигійская, на-
противъ, обыкновенно возбуждаетъ до энтузіазма. Все это
вполнѣ удовлетворительно разсмотрѣно въ тѣхъ сочиненіяхъ,
въ которыхъ вопросъ о музыкальномъ образованіи выясненъ
со всею строгостью философскаго анализа и съ ясною аргу-
ментаціею самихъ фактовъ. Подобно мелодіямъ, могутъ
быть раздѣлены и ритмы. Такъ, одни изъ нихъ имѣютъ
спокойный характеръ, другіе болѣе подвижной; при томъ,
движеніе однихъ порывисто, а другіе болѣе плавны. От-
сюда очевидно, что музыка дѣйствительно въ состояніи воз-
будить въ душѣ нашей то или другое нравственное на-

строение; а если такъ, то *музыка непременно должна входить въ программу воспитанія*“ ¹⁾.

Спрашивается теперь: что же значитъ — пользоваться музыкою правильно и что значитъ — злоупотреблять ею? — Обстоятельное разъясненіе этого мы увидимъ дальше.

Прежде всего, оба философа предостерегаютъ отъ того узкаго и неправильнаго, можно сказать — легкомысленнаго, взгляда на музыку, по которому она представляется лишь *средствомъ удовольствія* и приличнаго *провожденія досуга*. Вотъ слова Платона: „Многіе говорягь, что сущность и совершенство музыки состоитъ въ ея пріятномъ дѣйствіи на душу, въ удовольствіи, когорое она доставляетъ. По такъ говорить не позволительно и не простительно: ибо сіе вовлекаетъ насъ въ заблужденіе“ ²⁾. Или еще: „не должно вѣрить словамъ тѣхъ, кои говорятъ, что музыку должно разсматривать и цѣнить по удовольствію; и еслибъ даже была такая музыка, то не ее должно почитать превосходнѣйшею“ ³⁾. Также и Аристотель, признавъ, что музыка доставляетъ удовольствіе и есть лучшее средство для отдыха, добавляетъ при этомъ: „но нельзя не замѣтить, что музыка, по природѣ своей, гораздо выше того, чтобы пользоваться ею только для этихъ цѣлей, такъ что на нее нельзя смотрѣть, какъ только на средство того общаго удовольствія, какое, болѣе или менѣе, ощущаютъ отъ нея всѣ“ ⁴⁾. И далѣе: „простое наслажденіе, доставляемое музыкою, не есть существенное ея свойство“; ⁵⁾ „скорѣе должно думать, что музыка доставляетъ человѣку нравственное образованіе, и, какъ гимнастика образуетъ тѣло, она вт состояніи образовать душу человѣка“ ⁶⁾.

Отсюда у Аристотеля естественно и вполне логически вытекаетъ дальнѣйшее требованіе, — требованіе *активнаго зичанія* музыкой. Если бы музыка была лишь средствомъ наслажденія, да способствовала только достойному проведению досуга, то, конечно, можно было бы не учиться ей и не

¹⁾ Политика, стр. 237—238. (Перев. Скворцова.)

²⁾ Зак. 53.

³⁾ Ibid. 76.

⁴⁾ Полит. 236.

⁵⁾ Ibid. стр. 237.

⁶⁾ Ibid. стр. 233

заниматься ею самимъ „Развѣ нельзя наслаждаться музыкою и правильно судить о ней, слушая другихъ?“¹⁾..Но разъ доказано высшее нравственно-воспитательное значеніе музыки, этимъ доказано и то, „что, хоть до нѣкоторой степени, дѣти должны заниматься музыкой сами“. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Аристотель, что тѣмъ боѣе мы подвергаемся вліянію каждаго дѣла, чѣмъ ближе и непосредственнѣе участвуемъ въ немъ сами: кромѣ того, безъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ, нельзя, или, по крайней мѣрѣ, очень трудно быть въ немъ хорошимъ судьей... Ясно такимъ образомъ, что только активное занятіе музыкой можетъ имѣть настоящее образовательное значеніе“²⁾.

Здѣсь Аристотель наталкивается на возраженіе: „многіе говорятъ, что активное занятіе музыкой производитъ лишь прѣстѣхъ ремесленниковъ въ ней“. „Это неправда“, — кратко и рѣшительно отвѣчаетъ философъ. „Стоя за активное занятіе музыкой, нужно только обратить вниманіе на слѣдующее: въ *какой мѣрѣ* должны заниматься музыкой тѣ, которые воспитываются для политической дѣятельности, *въ какихъ мелодіяхъ и ритмахъ* должны они упражняться, и, наконецъ, *на какихъ инструментахъ* должны они изучать музыку; потому что во всемъ этомъ большая разница“³⁾. Безъ строгаго различенія, какъ самой музыки, такъ и инструментовъ, активное занятіе музыкой, пожалуй, можетъ произвести только ремесленниковъ⁴⁾.—II по всемъ этимъ пунктамъ у обоихъ философъ мы находимъ довольно опредѣленные указанія.

Такъ, оба они вооружаются противъ суетнаго стремленія къ *виртуозности* въ музыкѣ, къ артистическимъ эффектамъ и новшествамъ въ ней; оба скорбятъ и жалуются по поводу того, что въ ихъ время стала усиливаться погоня за музыкальными эффектами и изысканными пассажами. „Все это, — говоритъ Аристотель, — имѣетъ мѣсто въ музыкальныхъ состязаніяхъ, но, *къ несчастію*, оно перешло

1) Ibid. стр. 234

2) Полит. стр. 239—240.

3) Ibid. 240.

4) Ibidem.

теперь и въ самое классическое занятіе музыкой“ ¹⁾; „въ наше время, большею частью, занимаются ею просто для удовольствія, но *сперва* она была принята въ систему воспитанія“ ²⁾. Такимъ же несчастіемъ казалось это явленіе и Платону. „Наши человѣки-художники, говоритъ онъ, мелодію и ритмъ лишаютъ словъ, употребляя одну только лиру и свирѣль. Весьма трудно узнать, что значить безъ рѣчи ритмъ и гармонія, и какому важному предмету подражаетъ. Должно почитать необходимымъ признакомъ грубости эту сильную охоту къ быстротѣ, къ смѣшенію звуковъ и къ безобразному, дикому грому, равно какъ употребленіе лиры и свирѣли безъ пляски и пѣнія“ ³⁾. Это стремленіе извлечь изъ музыкальныхъ инструментовъ какъ можно болѣе быстрыхъ и разнообразныхъ звуковъ, къ тому же — не въ качествѣ аккомпанимента, а независимо отъ пѣнія, — Платонъ называетъ музыкальнымъ невѣжествомъ и фокусничествомъ (*ἀνομοία καὶ θαυματουργία*). И вотъ его приговоръ: „должно употребить всѣ средства, чтобы наши дѣти не привязывались къ новымъ подражаніямъ въ музыкѣ, чтобы никто не обольщалъ ихъ удовольствіями“ ⁴⁾.

Главное средство для этого Платонъ желалъ бы заимствовать отъ древнихъ Египтянъ, которыхъ онъ очень хвалитъ за естественную простоту и упорный консерватизмъ въ національной музыкѣ. „У нихъ, — говоритъ философъ, — ни живописцамъ, ни другимъ художникамъ не позволено производить ничего новаго и вводить что-либо кромѣ отечественнаго; и доселѣ еще сіе не позволено ни въ живописи, ни въ музыкѣ во всей ея обширности... И это есть отличное дѣло ихъ законодательства и политики. Прочіе законы ихъ худы, недостаточны; но о музыкѣ постановленіе ихъ истинно достойно уваженія, именно то, что закономъ можно опредѣлить пѣсни постоянныя, сохраняющія естественную правильность“ ⁵⁾. „Они напередъ устанавливаютъ празднества, расчисляя на цѣлый годъ, какія, въ какое время, въ честь какихъ боговъ или чадъ ихъ и геніевъ

¹⁾ *ibid.*

²⁾ *ibid.* стр. 228.

³⁾ Закон. 79.

⁴⁾ *ibid.* 279.

⁵⁾ Зак. стр. 36

должны совершаться; потомъ назначаютъ, какую пѣснь должно воспѣвать при каждомъ жертвенникѣ и какими плясками сопровождать жертвоприношенія“... „Еслижъ кто, вопреки сему постановленію, вводитъ какому-либо богу новый гимнь, или новую пляску: то жрецы и жрицы съ помощію законоблюстителей воспрещаютъ ему властію закона и властію священною. Кто самъ добровольно не оставляетъ своего преступнаго намѣренія, тотъ во всю жизнь свою осужденъ терпѣть отъ всякаго желающаго наказаніе за свое нечестіе“¹⁾.

Перенося эти порядки въ свое родное государство, Платонъ желалъ бы установить слѣдующее правило: „вопреки народнымъ и священнымъ пѣснямъ никто да не дерзаетъ пѣть. Покорный свободенъ отъ наказанія; а непокорнаго накажутъ законоблюстители, жрецы и жрицы“²⁾. Всякая новая пѣснь и всякая новая мелодія предварительно должна быть представлена на судъ шестидесятилѣтнихъ пѣвцовъ Діониса, которые, имѣя тонкій вкусъ въ ритмъ и составленіи гармоніи, будутъ рѣшать въ каждомъ случаѣ, пускать ли въ употребленіе ту или другую мелодію. „Умѣя разбирать мелодію, совершенно подражающую всѣмъ расположеніямъ души, и отличать отгѣнки порока и добродѣтели, они должны отвергать дурное и вводить на сцену хорошее; должны самыми пѣснями посредствомъ подражанія возбуждать въ юныхъ сердцахъ любовь къ добродѣтели“³⁾. И въ

1) Зак. стр. 279—280.

2) *ibid.* стр. 281.

3) *ibid.* стр. 302. И замѣчательно при этомъ слѣдующее: оказывается, — „добродѣтель необходима для сихъ судей; они должны быть одарены не только благоразуміемъ, но и мужествомъ, дабы, приступая къ рѣшенію, не утрашилися шума народнаго и, по малодушію, не произнесли несправедливаго приговора“. „Справедливость требуетъ, чтобы такой судья возсѣдалъ не ученикомъ, но учителемъ народа, и противился бы тѣмъ, кои отступая отъ всякаго приличія и правильности, доставляютъ зрителямъ удовольствіе. Древнимъ Еллинскимъ законамъ позволялось гонѣть зрителей, какъ нынѣ дѣлается въ Сициліи и въ Италіи, отличать рукоплесканіемъ побѣдителя. Сіе вовлекло въ гибель самихъ поэтовъ, кои стали соображаться съ худымъ вкусомъ народа, славившагося собственнымъ своимъ учителемъ: сіе погубило также удовольствіе самаго театра. Вмѣсто того, чтобы видѣть нравы и характеры благороднѣйшіе, выше обыкновенныхъ, и получать чистѣйшее наслажденіе, нынѣ поступаютъ совсѣмъ напротивъ“. *ibid.* 60—61.

другомъ мѣстѣ Платонъ высказываетъ требованіе, чтобы попечители города, оберегая его отъ порчи нравовъ, „строже всего наблюдали за тѣмъ, какъ бы, вопреки порядку, не дѣлалось нововведеній въ музыкѣ, и слушали бы съ опасеніемъ, когда кто говоритъ, что люди особенно уважаютъ то пѣніе, которое вновь привзошло у поющихъ, что поэтому называютъ часто не того, кто составляетъ новыя пѣсни, а того, кто выдумываетъ новый образъ пѣснопѣнія и хвалить это. Между тѣмъ не должно ни хвалить такихъ вещей, ни принимать ихъ. Отъ введенія новаго рода музыки нужно беречься, какъ отъ опаснаго во всѣхъ отношеніяхъ, — и (о пигдѣ формы музыки не измѣняются безъ измѣненія (вмѣстѣ съ тѣмъ) самыхъ важныхъ законовъ гражданскихъ ¹⁾)... Нарушеніе закона, входя этимъ путемъ, легко прячется; — такъ себѣ, подъ видомъ увеселеній, какъ бы не дѣлая ничего худого, повемногу вкрадывается, молча вѣдряется въ нравы и занятія, и отсюда уже болѣе ощутимо порекадуть во взаимныя отношенія, а изъ отношеній-то съ великою паглостію возстаеъ на законъ и правительство и оканчиваетъ ниспроверженіемъ всего — частно и обществено“ ²⁾).

Той же цѣли противодѣйствія виртуозности въ музыкѣ и ремесленничества въ ней должно было служить и другое требованіе Платона, имено — чтобы дѣти учились играть на лирѣ только три года, начиная отъ тринадцати лѣтъ до шестнадцати. „Употреблять на сіе больше или меньше времени не позволяется ни со стороны родителей, ни охотнику до ученія, ни совершенному ненавистнику его. Короче или долѣе записаться сими предметами значить нарушать законъ. Пеновинующійся лишается почестей, дѣтямъ предоставленныхъ“ ³⁾. Само собою разумѣется, — далеко было до

¹⁾ *Eidos gár kainón nousiakh̄s metabállai eúlaxh̄tiot̄ ós̄ èi ðlph̄ kai ðni eðonta oðdiaoú gár katoúntai nousiakh̄s trópoi énev̄ politikṓn iðrṓn tṓn meístων.* — Здѣсь не лишне отмѣнить, что впоследствии даже Цицеронъ утверждалъ, что въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ, съ перемѣною древне-національной музыки, извратились нравы, люди и учрежденія одрахлали, и политическое значеніе ихъ пало. (De legibus, II, 15, 38 sq.). То же свидѣтельствуетъ и Максимъ Тирскій относительно дорійцевъ, населявшихъ Сицилію. (Dissertation o XXXVII, 4).

²⁾ Полит. 424. b-c d.

³⁾ Закон. стр. 298.

артистическихъ тонкостей тѣмъ, „коимъ назначено только три года для изученія всего, что есть хорошаго въ музыкѣ“¹⁾).

Наконецъ, этой же самой цѣли должно было способствовать и то, упомянутое уже нами, требованіе Платона, чтобы инструментальная музыка употреблялась лишь въ качествѣ аккомпанимента при пѣніи, но отнюдь не самостоятельно и независимо отъ словъ. „Мелодія, по мысли Платона, слагается изъ трехъ частей: изъ словъ, гармоніи и ритма“. И Платонъ неоднократно повторяетъ, что „гармонія и ритмъ должны слѣдовать словамъ“²⁾, что „размѣръ и гармонія должны сообразоваться съ словомъ, а не слово съ ними“³⁾. Изъ этихъ положеній философа, равно какъ и изъ процитованной ранѣ жалобы его на употребленіе лиры и свирѣли, мелодіи и ритма, безъ всякихъ словъ, явствуетъ, что, по его воззрѣнію, инструментальная музыка должна всегда слѣдовать и сообразоваться съ словами.

И Аристотель, въ свою очередь, держится того же убѣжденія, что играющій музыкантъ долженъ сопровождать свою игру пѣніемъ⁴⁾. А это, конечно, худо мирится съ музыкальной виртуозностью и полагаетъ довольно тѣсные предѣлы развитію ея: вѣдь, если слова поэта должны быть главнымъ дѣломъ въ музыкѣ, то они отнюдь не должны ступшеываться и исчезать за артистической игрой инструмента— лиры или цитры⁵⁾.

Итакъ, вотъ *въ какой мѣрѣ* слѣдуетъ заниматься музыкой въ цѣляхъ свободнаго образованія.

Переходимъ теперь къ дальнѣйшему вопросу: *въ какихъ мелодіяхъ и ритмахъ* слѣдуетъ упражняться въ тѣхъ же образовательныхъ (не ремесленническихъ) цѣляхъ?

Здѣсь, не вдаваясь въ большія подробности и музыкальныя тонкости, мы должны предварительно разъяснить слѣдующее: основныя древне-греческія мелодіи: дорійская, фригійская, іонійская и лидійская—различались между собою, подобно современнымъ мелодіямъ, различнымъ расположе-

1) *ibid* стр. 302—303.

2) Полит. 398, d. 400 a

3) *ibid* 100 d

4) Полит. 241—242.

5) Schmid, Geschichte der Erziehung. B I 1, S. 235—236.

нѣмъ цѣлыхъ тоновъ и полутоновъ въ гаммѣ; и каждая изъ нихъ являлась выраженіемъ опредѣленнаго душевнаго настроенія. Въ то время какъ въ нашей сложной многоголосной музыкѣ это настроеніе и чувство получаетъ свое выраженіе благодаря многимъ факторамъ — такту, темпу, послѣдовательной смѣнѣ аккордовъ. — у грековъ уже самая гамма служила яснымъ выраженіемъ такого или иного чувства и настроенія ¹⁾. Въ качествѣ приблизительной, но, конечно, не вполне соответствующей аналогіи мы могли бы, пожалуй, указать въ современной музыкѣ на различіе мажорной и минорной гаммы: мажорная всегда звучитъ тверже, энергичнѣе и веселѣе. минорная — всегда меланхоличнѣе и грустнѣе. Добавимъ къ этому, что между названными основными греческими мелодіями могли быть среднія переходныя ступени, отъ чего получались мелодіи смѣшаннаго характера.

Рискуя все-таки и при этихъ разъясненіяхъ остаться не во всемъ для всѣхъ понятнымъ, мы должны обратиться къ избраннымъ философамъ.

Платонъ рѣшительно заявляетъ, прежде всего, что „не нужно ничего плаксиваго и печальнаго“. — „Какія же бываютъ гармоніи плаксивыя?“ Таковыми оказываются гармоніи „смѣшанно-лидіійская (*μζολυδιστή*), мольно-лидіійская (*συγτορολυδιστή*) и нѣкоторыя другія. Стало бытъ, ихъ надобно исключать. — потому что онѣ не полезны даже и женщинамъ. не только мужчинамъ...“ ²⁾ До какой степени Платонъ бытъ противникомъ плаксивой и печальной музыки, считая ее вредною для нравовъ, это можно видѣть изъ того, что „въ нѣкоторые злосчастные дни, когда городу необходимо было предаваться плачу“, онъ рекомендовалъ лучше занимать чужестранныя хоры на время, лишь бы только свои граждане не старались растрогать сердца слушающихъ плачевными звуками, словами и гармоніей ³⁾.

¹⁾ См. у Аристотеля, Полит. стр. 238

²⁾ Полит. 398, d-e.

³⁾ Когда правительство устанавливаетъ общественныя жертвоприношенія, то приношенія не оишь хоры, но многіе: ставъ вдали, а иногда у самыхъ сердцевинкогъ, они и зиваютъ на жертвы хуленія, растрогиваютъ сердца слушающихъ плачевными звуками, словами и гармонією: даже получаетъ побѣдную почести тотъ, кто скорѣе и сильнѣе заставитъ плакать жертво-

Далѣе. „Что касается до упоенія, нѣги и расслабленія, то стражамъ и это весьма несвойственно. А какія бываютъ гармоніи разнѣживающія (*μαλαχαί*) и пиршественныя (*συμποτυχαί*)? Ионійская (*ιαοτι*) и лидійская (*λυδιοτι*), извѣстныя подъ именемъ расслабляющихъ (распущенныхъ—*χαλαραί*)“. Оказывается, такимъ образомъ, что и эти послѣднія гармоніи „нельзя приспособить къ воспитанію людей военныхъ“. Остаются затѣмъ „только дорійская и фригійская“ (*δοριοτι και φρυγιοτι*) гармоніи. И вотъ что говоритъ Платонъ устами Сократа: „Гармоній я не знаю, но оставь мнѣ ту, которая могла бы живо одражать голосу и напѣвамъ человѣка мужественнаго среди военныхъ подвиговъ и всякой напряженной дѣятельности, человѣка, испытавшаго неудачу, либо идущаго на раны и смерть, или впавшаго въ какое иное несчастіе, и во всѣхъ этихъ случаяхъ стройно и настойчиво защищающаго свою судьбу. Оставь мнѣ и другую, которая бы, опять, подражала человѣку среди мирной и не напряженной, а произвольной его дѣятельности, когда онъ убѣждаетъ и проситъ — либо Бога, посредствомъ молитвы, либо человѣка, посредствомъ наставленія и увѣщанія,—когда бываетъ внимателенъ къ прошенію, наставленію и убѣжденіямъ другого и свою внимательность, по силѣ разумѣнія, оправдываетъ дѣломъ, когда онъ не кичится, но во всемъ этомъ поступаетъ разсудительно и мѣрно и довольствуется случайностями. Эти-то двѣ гармоніи—напряженности и произвола, людей несчастныхъ и счастливыхъ, разсудительныхъ и мужественныхъ,—эти двѣ оставь мнѣ гармоніи, наилучшимъ образомъ подражающія голосу ¹⁾“. По рѣшенію Сократовскаго собесѣдника, авторитетнаго музыканта, оказывается, что эти потребныя гармоніи суть именно гармоніи дорійская и фригійская.

Аристотель нѣсколько расходится съ своимъ учителемъ и признаетъ годною для воспитанія преимущественно одну

приносящій городъ. Если необходимо иногда предаваться такому плачу въ нѣкоторые нечистые, злосчастные дни, то не лучше ли занимать чужестранные хоры? Не приличнѣ ли въ сихъ нѣспонѣннѣхъ дѣлать то, что дѣлается при похоровахъ, на коихъ наняты пѣвцы сопровождаютъ умершаго карійскою музыкою? Зак. 282.

1) Полит. 399. а. в. с

дорійскую гармонию. „Что касается до дорійской гармоніи, то—говоритъ онъ—всѣ согласны въ томъ, что она самая плавная, и по преимуществу мужественнаго характера. Рекомендую всегда средину между крайностями, мы думаемъ, что учиться музыкѣ преимущественно должно на дорійскихъ мелодіяхъ, такъ какъ дорійская гармонія, дѣйствительно, представляетъ средину между всѣми другими¹⁾“. Онъ даже не преминулъ высказать при этомъ порицаніе по адресу Платона. „Въ государствѣ Платона, по его словамъ, Сократъ поступаетъ не хорошо, рекомендуя фригійскую гармонию вмѣстѣ съ дорійской. тѣмъ болѣе, что онъ отвергаетъ флейту, между тѣмъ фригійская гармонія имѣетъ то же мѣсто въ числѣ прочихъ гармоній, какое занимаетъ флейта въ числѣ всѣхъ другихъ инструментовъ: именно, музыка флейты и композиція фригійской гармоніи, по характеру своему, возбуждательны и страстны. Доказательствомъ тому сама поэзія; именно, вакхическая и всякая подобная поэзія, предъ всѣми другими инструментами, особенно хорошо улаится на флейтѣ, а для выраженія ея наиболѣе прилична гармонія фригійская²⁾“.

Уклоняется Аристотель отъ Платона и въ принципѣ раздѣленія гармоній, при чемъ онъ разъясняетъ обстоятельно, что допустимы и другія мелодіи, кромѣ дорійской, но допустимы для иныхъ цѣлей, не воспитательныхъ—образовательныхъ. Вотъ это интересное разсужденіе Аристотеля. „Что касается до раздѣленія мелодій — говоритъ онъ, — то въ этомъ мы согласны съ тѣми философіями, которые различаютъ мелодіи этическія³⁾, практическія⁴⁾ и энтузіастическія⁵⁾, и для каждой изъ нихъ признаютъ свою собственную гармонию: вмѣстѣ съ тѣмъ, мы утверждаемъ, что музыкой слѣдуетъ заниматься не по одному какому-либо побужденію, но по многимъ: такъ, во-первыхъ,

1) Полит. стр. 246.

2) Полит. 245. Надо было замѣтить, что въ цѣломъ „Паксесъ“ и самъ Платонъ одобряетъ одну лишь гармонию *дорійскую* и называетъ ее *единственною* эллинскою гармоніею. р. 188, d.

3) Т. е. способствующія развитію нравственности.

4) Т. е. располагающія къ энергической дѣятельности.

5) Т. е. приводящія въ вакхическій восторгъ.

для образованія вообще, потомъ для очищенія страстей, и, въ-третьихъ, для препровожденія досуга, для развлеченія и отдохновенія, послѣ утомительнаго труда. Хотя употребительны вообще всякаго рода гармоніи, но не для одной и той же цѣли; такъ, въ воспитаніи должны быть употребляемы собственно этическія гармоніи, слушать же вообще можно гармоніи практическія и энтузіастическія, потому что душевные аффекты, какъ, на примѣръ, состраданіе и страхъ дѣйствуютъ на душу всякаго, хотя, впрочемъ, на однихъ слабѣе, а на другихъ сильнѣе. Тоже самое должно сказать и объ энтузіазмѣ. На нѣкоторыхъ такая музыка дѣйствуетъ очень сильно. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, каковы бываютъ люди, подъ влияніемъ священныхъ пѣсень, когда они слышатъ звуки, сильно дѣйствующіе на ихъ душу: они чувствуютъ себя тогда какъ бы уврачеванными и очищенными. Такія же сильныя впечатлѣнія испытываютъ, конечно, и тѣ, которые находятся подъ влияніемъ музыки, возбуждающей въ нихъ состраданіе, страхъ и всякій другой аффектъ;—разница зависитъ здѣсь отъ степени восприимчивости каждаго, но несомнѣнно, что все чувствуютъ въ душѣ своей какое-то очищеніе и облегченіе, неизменные удовольствія. Точно также и очищающія душу мелодіи возбуждаютъ въ людяхъ невинную радость. Такія-то гармоніи и такія-то мелодіи слѣдуетъ избирать и для публичныхъ состязаній въ музыкѣ. Но такъ какъ слушателями этихъ музыкальныхъ состязаній бываютъ разные люди: одни—свободные и образованные, другіе—люди съ грубымъ вкусомъ, большею частью ремесленники, рабочіе и другіе подобнаго рода; то для удовольствія этихъ послѣднихъ должно давать такія музыкальныя состязанія и такія представленія, которыя были бы для нихъ занимательны. Согласно съ извращеннымъ настроеніемъ ихъ духа, и самыя гармоніи и мелодіи для нихъ должно выбирать не очень строгаго стиля, но только наиболѣе сильныя и потрясающія; потому что для каждаго всегда пріятнѣе то, что свойственно его природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, для состязаній въ театрѣ должно дозволить выбирать ту или другую музыку, сообразно съ характеромъ слушателей. А что касается до воспитанія, то здѣсь дѣло другого рода: здѣсь, какъ сказано было выше, по преимуществу должно пользоваться

только эгическими методіями и гармоніями; такова, какъ мы уже и говорили, гармонія дорійская ¹⁾“.

Остается теперь рассмотреть послѣдній вопросъ: *на какихъ инструментахъ* должно изучать музыку въ образовательныхъ цѣляхъ? Вопросъ этотъ отчасти уже предрѣшенъ въ предыдущихъ разсужденіяхъ философовъ. Если, какъ говоритъ Аристотель, „музыкантъ долженъ сопровождать свою игру пѣніемъ“, то очевидно — духовымъ инструментамъ тутъ не можетъ быть мѣста; съ другой стороны, — если аккомпанирующая музыка не должна быть артистически-виртуозною, дабы за нею не ступивало содержанію словъ, то и струнные инструменты должны быть лишь самые простые и несложные, не дающіе мѣста излишней виртуозности. И вотъ мы видимъ, — какъ Платонъ, такъ и Аристотель согласно возстаютъ противъ флейты, которая — кромѣ того, что не допускаетъ при игрѣ пѣнія, по самому характеру звуковъ своихъ отличается возбуждительною страстностію и *не способствуетъ развитію добродѣтели*. Затѣмъ вооружаются они и противъ разныхъ сложныхъ струнныхъ инструментовъ, каковы: многострунные тригоны (въ родѣ нашихъ арфъ), 20-струнные пиктиды, варвиты (на подобіе нашихъ гуслей), самвики и др., звуки которыхъ, какъ говоритъ Аристотель, доставляютъ слушателю только *чувственное удовольствіе* и для игры на которыхъ требуется *особенная ловкость рукъ*.

Платонъ такъ разсуждаетъ объ этихъ послѣднихъ инструментахъ: „многострунность и всегармоничность въ пѣсняхъ и мелодіяхъ намъ не понадобятся; поэтому мы не будемъ содержать тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ тригоны, пиктиды и всѣ многострунные и многогармоничные инструменты ²⁾“. Затѣмъ, находя, что „вся эта многострунность и всегармоничность есть подражаніе флейтъ“, онъ и „дѣлателей флейтъ и флейщиковъ (т. е. играющихъ на флейтахъ) не соглашается принять въ свой городъ; такимъ образомъ, у Платона „для пользы города остаются только (4-струнная) лира и (7-струнная) цитра“, да „пастухи въ полѣ могутъ употреблять свирѣль ³⁾“.

¹⁾ Полит. стр. 244—245.

²⁾ Полит. 399, c—d.

³⁾ *ibid* 399 d.

Подобнымъ же образомъ, только нѣсколько подробнѣе, рассуждаетъ и Аристотель, уклоняясь отъ учителя своего лишь во второстепенныхъ частностяхъ. Именно, онъ говоритъ: „Что касается до выбора инструментовъ, на которыхъ должно учиться музыкѣ, то для этой цѣли нельзя рекомендовать флейту, или китару (цитру), или иной какой-либо собственно артистическій инструментъ; напротивъ, нужно учиться музыкѣ только на такихъ инструментахъ, которые наиболѣе способствуютъ къ музыкальному образованію или вообще къ развитію эстетическаго вкуса. А флейта, кромѣ того, неспособна къ возбужденію нравственнаго чувства, и скорѣе дѣйствуетъ только на страсти; поэтому употреблять флейту должно, по преимуществу, въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду очищеніе страстей, а не музыкальное образованіе. Къ тому же флейта въ томъ еще отношеніи неудобна для изученія музыки, что играющему на ней нельзя сопровождать своей игры пѣніемъ. Вотъ причина, почему давно уже какъ она вышла изъ употребленія при классическомъ занятіи музыкой. Когда эллины, благодаря увеличенію своего состоянія, стали вести болѣе досужную жизнь и болѣе интересоваться подвигами добродѣтели, когда, — что особенно замѣтно послѣ персидскихъ войнъ, — они начали высоко думать о своей дѣстности; тогда ревностно принялись они изучать всѣ науки и искусства, не дѣлая между ними строгаго выбора, и ища только какъ можно болѣе знанія. Въ это-то время они стали учиться и на флейтѣ. Такъ въ Лакедемонѣ, напримѣръ, хорегъ обыкновенно аккомпанировалъ хору на флейтѣ. Равнымъ образомъ и въ Аѳинахъ флейта вошла въ такое употребленіе, что ею занималось большинство свободныхъ гражданъ... Въ послѣдствіи, когда стали лучше судить о томъ, какая музыка способствуетъ развитію добродѣтели, флейта была оставлена, по указанію опыта. Равнымъ образомъ, были оставлены и многіе другіе изъ прежнихъ инструментовъ, каковы пиктиды, варвиты, а также и тѣ инструменты, звуки которыхъ доставляютъ слушателю только чувственное удовольствіе: гептагоны, тригоны, самвики, и вообще всѣ тѣ, для игры на которыхъ требуется особенная ловкость рукъ“¹⁾.

1) Полит. 241--242.—Въ этомъ разсужденіи о выборѣ музыкальныхъ

Весьма заслуживаетъ вниманія и общее заключеніе Аристотеля къ его трактату о музыкальномъ образованіи. Здѣсь мы читаемъ: „Итакъ, что касается до выбора инструментовъ и до практическаго обученія дѣтей музыкѣ, то въ этомъ отношеніи мы исключаемъ изъ музыкальнаго образованія преслѣдованіе всякихъ артистическихъ цѣлей. Артистическое образованіе въ музыкѣ, по нашему мнѣнію, есть изученіе музыки для музыкальныхъ соствязаній. При такомъ музыкальномъ образованіи, занимающійся музыкою играетъ не съ цѣлью своего собственнаго нравственнаго усовершенствованія, но для наибольшаго удовольствія своихъ слушателей. Такое занятіе музыкою мы не считаемъ дѣломъ людей свободныхъ, но относимъ его скорѣе къ числу занятій людей, работающихъ по найму. Такое-то занятіе музыкой и производитъ обыкновенно ремесленниковъ музыки; потому что цѣль, для которой артистъ принужденъ играть, иногда можетъ быть очень низка“¹⁾.

— — — — —

Остановимся не надолго на этихъ мысляхъ древнихъ философовъ.—Слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были высказаны онѣ. Въ этотъ немалый періодъ времени далеко шагнуло человѣчество впередъ во всѣхъ областяхъ знанія. Хвалится оно своимъ прогрессомъ и въ области научной педагогикѣ, хвалится такъ горделиво, что на сѣдую старину иные готовы смотрѣть съ полнымъ презрѣніемъ²⁾. Естественно теперь спросить: сколь далеко ушла

инструментовъ, точно также какъ и въ вышеприведенномъ разсужденіи о выборѣ мелодій, способствующихъ развитію нравственности, Аристотель является болѣе строгимъ и требовательнымъ, нежели его учитель—Платонъ. Какъ тамъ онъ упрекаетъ Платона за допущеніе фригійской гармоніи, такъ и здѣсь онъ отклоняетъ цитру, допущенную Платономъ. Это, вѣроятно, потому, что къ его времени даже и цитра превратилась въ орудіе артистически-музыкальныхъ соствязаній.

¹⁾ Полит. 243

²⁾ Не стоить давно воочи представленный Диетервегъ съ большимъ аллобомъ заявлялъ, что „наибольшая часть историко-педагогическихъ свѣдѣній, по крайней мѣрѣ—касающихся свѣдой древности, для народныхъ учителей имѣетъ значеніе негодной рухляди (Kram)“, что „для нихъ поучительна развѣ только новѣйшая исторія учебнаго дѣла, начиная съ 1770 года“ (т. е съ эпохи Базедовекаго Филантропина) Wegweiser. 6 Aufl., s. 89—90. Anm.

новѣйшая педагогика, сравнительно съ Платономъ и Аристотелемъ, въ поставленныхъ выше вопросахъ? Прежде всего: многіе ли современные педагоги въ своихъ теоріяхъ, многіе ли родители и воспитатели въ своей воспитательной практикѣ задаются вопросомъ о томъ, какъ улучшить *нравъ* питомца музыкаю, какія мелодіи и какіе инструменты наиболѣе пригодны для этого, и не испортится ли этотъ нравъ отъ не надлежащаго запитія музыкаю? —

Личныя наблюденія каждаго изъ васъ пусть дадутъ отвѣтъ за современную практику и жизнь; я могу отвѣтить за педагогическую теорію и скажу слѣдующее: съ легкой руки Локка и Руссо, поставившихъ музыку на самое послѣднее мѣсто въ ряду занятій своихъ воспитанниковъ¹⁾, прославленные корифеи новѣйшей педагогики почти совсѣмъ забыли мысль о нравственно-воспитательномъ значеніи пѣнія и музыки²⁾. Спенсеръ, напримѣръ, отводитъ мѣсто музыкѣ въ самомъ послѣднемъ отдѣлѣ человѣческой жизни, обнимающемъ отдохновеніе и увеселенія, наполняющія свободные часы³⁾. Онъ говоритъ о ней, какъ объ эстетическомъ наслажденіи, называетъ ее „цвѣткомъ цивилизованной жизни“, но основной

1) У Локка въ его „Мысляхъ о воспитаніи“ мы читаемъ о музыкѣ слѣдующее: „на нее молодой человѣкъ тратитъ столько времени, чтобы достигнуть только умѣреннаго некуяства, и изъ-за нея часто бонададетъ въ такое странное общество, что многіе признаютъ за лучшее обходиться безъ этого занятія; и среди людей способныхъ и дѣловыхъ мнѣ такъ рѣдко приходилось слышать, чтобы кто-нибудь хвалилъ или уважалъ человѣка за его выдающіяся музыкальныя способности, что изъ всехъ тѣхъ упражненій, которые когда-либо входили въ списокъ свѣскихъ искусствъ, *музыка я отягала бы послѣднее мѣсто*. Нашей короткой жизни не хватаетъ на достиженіе всего... И я думаю поэтому, что время и трудъ, предназначенные для серьезныхъ занятій, слѣдуетъ употреблять на вещи болѣе полезныя и важныя“. (Стр. 228—229) Перев. Вейнберга 1890 г.

Руссо въ своемъ „Эмиль“ утверждаетъ, что „въ пѣніи дѣтей никогда нѣтъ души“, и что вся задача обучающаго заключается въ томъ, чтобы слѣлать голосъ ребенка вѣрнымъ, ровнымъ, гибкимъ, звучнымъ; ухо его—чувствительнымъ къ гармоніи и такту, но *ничего болѣше*“; а въ заключеніе говорить: „довольно о музыкѣ; учите ей какъ хотите, *только бы она всею оставалась забавою*“ (стр. 135, 137. Изд. Тиблена. 1866 г.).

2) Мы говоримъ собственно о педагогическихъ *системахъ*, а не объ историко-педагогическихъ трудахъ.

3) Спенсеръ, Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Перев. 2 изд. 1878 г., стр. 63.

потребностью человѣческаго благостоянія, какъ и всю вообще эстетическую культуру, отнюдь не считаетъ ее. „Какъ бы она ни была важна, говоритъ Спенсеръ, — она должна уступить первенство тѣмъ предметамъ, которые прямо касаются повседневныхъ обязанностей“. „Когда силы природы будутъ вполне порабощены человѣку, способы производствъ доведены до совершенства, трудъ въ высшей степени экономизированъ, воспитаніе приведено въ такую систему, что приготовленіе къ самой существенной дѣятельности будетъ производиться съ сравнительною быстротою, и когда, слѣдовательно, будетъ болѣе свободнаго времени, тогда прекрасное въ искусствѣ и природѣ справедливо займетъ обширное мѣсто въ умахъ всѣхъ“¹. „Тутъ мы видимъ, — добавляетъ Спенсеръ, — всего яснѣе недостатокъ нашей воспитательной системы. Она пренебрегаетъ растеніемъ ради цвѣта. Стремясь къ изящному, она забываетъ сущность. Между тѣмъ какъ она не даетъ никакихъ знаній, ведущихъ къ самосохраненію, изъ тѣхъ же предметовъ, которые облегчаютъ снискиваніе пропитанія, она преподастъ только начальныя правила, а большую часть приходится добывать какъ-нибудь въ послѣдующей жизни; между тѣмъ какъ къ выполненію родительскихъ обязанностей она не даетъ ни малѣйшей подготовки, а къ обязанностямъ гражданина приготовляетъ, сообщая лишь массу фактовъ, изъ которыхъ большая часть непримѣнима, остальные же лишены ключа къ ихъ уразумѣнію, — она, эта система, заботливо преподаетъ все то, что ведетъ къ утонченности, доску, блеску“². Педагогика Спенсера, такимъ образомъ, считаетъ болѣе нужнымъ готовить юныхъ питомцевъ къ выполненію даже *родительскихъ* (будущихъ) обязанностей, нежели заняться ихъ музыкальнымъ образованіемъ... Очевидно, въ этой педагогикѣ мы напрасно стали бы искать разсужденій о томъ, какая музыка наиболѣе пригодна для нравственнаго образованія человѣка³).

Столь же тщетными и напрасными оказались бы наши

1) *ibid.* 64.

2) *ibid.* стр. 65—66.

3) Въ другомъ мѣстѣ, въ трактатѣ: „происхожденіе и дѣятельность музыки“, Спенсеръ признаетъ, что музыка „сверхъ удовольствія, доставляемаго ею, имѣетъ еще косвенныя послѣдствія въ развитіи языка душевныхъ волненій“. „Можно, — говоритъ онъ, — основательнее предположить, что слок-

поиски и въ „Наукъ воспитанія“ Бэна. Заявивъ съ самаго начала, что музыка изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ „имѣетъ наибольшее значеніе и оказываетъ самое сильное вліяніе“, признавъ даже, что „разнообразныя формы музыки весьма различно дѣйствуютъ на душу“, Бэнь продолжаетъ даѣе: „въ тотъ моментъ, когда мы слушаемъ музыку, она производитъ громадное вліяніе на душу, воодушевляетъ и ободряетъ насъ, успокаиваетъ и утѣшаетъ. Но факты не даютъ намъ права приписать ей какое-либо прочное, нравственно вліяніе; ничто такъ не мимолетно, какъ возбужденіе, производимое музыкой. Кромѣ ея значенія какъ существеннаго приращенія къ житейскимъ наслажденіямъ, я не признаю за ней никакого вліянія на воспитаніе, какъ нравственное, такъ и умственное. Если еще въ нравственной сферѣ она можетъ имѣть какое-либо значеніе, то въ умственной, конечно, никакого“¹⁾). Кромѣ этихъ, довольно противорѣчивыхъ, хотя и сильно выраженныхъ, положеній, мы найдемъ въ педагогикѣ Бэна еще такія, напримѣръ, мысли: „музыканту необходимо упражнять голосъ, слухъ, руки“,²⁾—или: „не будучи музыкантомъ, всякій при благопріятныхъ условіяхъ имѣетъ возможность развить вкусъ къ музыкѣ путемъ слушанія музыкальныхъ произведеній, исполняемыхъ другими“³⁾),—мысли, вовсе не блестящія глубиной, но сравненію съ мыслями Платона и Аристотеля.

Не найдемъ мы глубокихъ мыслей о нравственно-воспитательномъ значеніи музыки и въ педагогической системѣ Бенке⁴⁾).

ныя музыкальныя фразы, которыми композиторы передавали сложныя волненія, имѣли вліяніе на образованіе тѣхъ смѣшанныхъ удареній въ разговорѣ, путемъ которыхъ мы передаемъ наши болѣе уточненныя мысли и чувства. Немногіе будутъ такъ тушы, чтобы отвергать дѣйствіе музыки на умъ“. „Музыка, имѣя корень свой въ языкѣ душевнаго волненія и постоянно развиваясь изъ него, сама постоянно воздѣйствовала на него и развивала его“. (Научные, политическіе и философскіе опыты. т. I стр. 162—163. Перев. подъ ред. Тиблена).

1) Бэнь, Наука воспитанія, стр. 78—79 (Пер. 1881 г.) Интересно было бы знать, дошли ли до Бэна вышеприведенныя слова Спенсера: „не многіе будутъ такъ тушы, чтобы отвергать дѣйствіе музыки на умъ“. Быть въ числѣ такихъ *немногихъ* едва ли пріятно ..

2) Ibid. 379.

3) Ibid стр. 383

4) . Воспитаніе и обученіе“ Фр. Бенке. I—II г. см. напр. §§ 121, 136.

Я называю труды, считающіеся капитальными въ современной педагогикѣ, принадлежащіе выдающимся психологамъ и, въ виду ихъ капитальности, пересаженные на нашу русскую почву.

Точно также и въ русскихъ педагогическихъ системахъ, даже въ претендующихъ на особенный характеръ психологичности, вопросъ о музыкѣ обсуждается болѣе съ эстетико-технической точки зрѣнія, нежели съ нравственно-образовательной. Лишь одинъ „Курсъ общей педагогики“ покойнаго П. Юркевича, вышедшій 30 лѣтъ тому назадъ, представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Въ немъ идеи Платона оцѣнены по достоинству и приняты съ восторгомъ; его программа музыкальнаго образованія названа „основанною на глубокомъ знаніи психологій“, и вотъ какъ хорошо резюмируется здѣсь сущность этой древнѣйшей программы: „она требуетъ, — говоритъ Юркевичъ, — избирать пѣсни, которыя посредствомъ чувствованій, возбуждаемыхъ ими, или *усиливаютъ мужество воли*, или *увеличиваютъ свѣтъ нравственныхъ идей*, которымъ должна покоряться воля. Бесплодныя волненія сердца, когда оно какъ бы стонетъ въ тискахъ, или поетъ отъ безпредметной грусти, или таетъ отъ нѣги, также когда оно страдаетъ отъ недовольства и не знаетъ, чего собственно ему хочется, наконецъ, когда оно или покрывается мракомъ, или теряетъ трезвость отъ онянявшаго восторга, — все такія чувствованія не должны быть навязываемы дѣтскому сердцу посредствомъ пѣнія. Только тѣ возбужденія сердца полезны, которыя или укрѣпляютъ волю, или просвѣтляютъ разумъ“¹⁾. И съ своей стороны, авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ разсужденію о томъ, какого рода пѣніе и музыка наиболѣе полезны при воспитаніи дѣтей²⁾.

Но этотъ серьезный „курсъ“ педагогики насчитываетъ, какъ я сказала, 30-ти лѣтнюю уже давность. Въ болѣе же новыхъ „курсахъ“ и „учебникахъ“ мы самой постановки вопроса о нравственно-воспитательномъ значеніи музыки почти не встрѣчаемъ. Повидимому, теперь совсѣмъ отброшена не только фантастическая мечта повліять музы-

1) Юркевичъ. Курсъ общей педагогики, стр. 382 (1869 г.).

2) См. стр. 364—383.

кой на неодушевленную природу или дикихъ звѣрей, нашедшая себѣ прелестное выраженіе въ поэтическихъ греческихъ мифахъ объ Орфеѣ, Линѣ, Амфіонѣ и др., но забыта и мысль о возможности вліять музыкой на нравъ человѣческой. Забыты прекрасныя слова Шекспира:

„Нѣтъ на землѣ живого существа
Столь жестокаго, крутого, адски-злого,
Чтобъ не могла хотя на часъ одинъ
Въ немъ музыка свершить переворота“¹⁾.

Позволительно, однакожь, спросить: такое забвеніе можетъ ли быть оправдано съ научной точки зрѣнія?

Психологъ Нагловскій не дурно сказалъ, что „поэзія рождаеть мысли и чрезъ нихъ приводитъ къ чувствамъ; музыка возбуждаеть чувства и чрезъ нихъ ведетъ къ мыслямъ“²⁾. Если же такъ, то, вѣдь, для нравственности человѣческой совѣмъ не безразлично, какія чувства и мысли становятся обычными у человѣка. И пока еще никто не доказалъ противнаго, до тѣхъ поръ ученые педагоги не въ правѣ сдавать въ архивъ мысли древнегреческихъ философовъ, но должны такъ или иначе считаться съ ними...

Если теперь отъ науки и теоріи перенесемъ свой взглядъ на окружающую насъ жизнь и воспитательную практику, то здѣсь встрѣтимъ, повидимому, совершенно обратное явленіе. Здѣсь царить, кажется, полное признаніе за музыкой глубоко-воспитательнаго значенія, ибо не только въ общественныхъ школахъ, но даже въ каждомъ частномъ семействѣ, болѣе или менѣе достаточномъ и претендующемъ на названіе порядочнаго, непременно стараются дать дѣтямъ музыкальное образованіе. Однако, всмотрѣвшись внимательнѣе въ дѣло, мы и здѣсь увидимъ, что древніе мудрецы могли бы многому насъ научить.

Во-первыхъ. Далеко не всегда можно съ увѣренностью утверждать, что наше обученіе музыкѣ и пѣнію ведется именно съ нравственно-воспитательною цѣлью. Особенно въ этомъ позволительно усомниться, если имѣть въ виду частное домашнее обученіе. Здѣсь всего чаще цѣлью музыкальнаго образованія поставляется *артистическая*

1) Венеціанскій купецъ, тѣмъ-жъ. V, ст. I. Перев. Вейнберга, ред. Гербеля, 4 изд. стр. 414.

2) Nahlovsky. Das Gefühlleben 2 Aufl. S. 128 Anm. 1.

виртуозность и потому слишкомъ много времени тратится на преодоленіе разныхъ техническихъ трудностей. Цѣлыми часами ежедневно 8-или 9-лѣтнія малютки мучатся за всевозможными этюдами и эффектными пассажами, не боясь нервнаго переутомленія,—и такая постановка дѣла считается самую желательною и правильною: при ней 12-ти или 13-ти лѣтняя дѣвочка, съ самыми заурядными талантами, можетъ выступить на публичной сценѣ съ романсомъ или даже концертомъ и пожать лавры. Но во что же здѣсь превращается музыка? — Вмѣсто того, чтобы быть средствомъ нравственнаго воспитанія, она является у насъ источникомъ перваго раздраженія для однихъ и средствомъ удовлетворенія суетнаго славолюбія для другихъ, значить — средствомъ *душевнаго разслабленія* и *нравственной порчи*... Это-то и называлъ Аристотель „несчастьемъ“, его-то и опасался онъ отъ ремесленническаго злоупотребленія музыкаю, и къ нему-то мы такъ настойчиво стремимся.

Во-вторыхъ. Если даже мы обратимся къ тому скромному музыкальному образованію, которое дается именно въ цѣляхъ нравственно-воспитательныхъ, то и здѣсь найдемъ довольно мало отраднаго. Здѣсь господствуетъ какая-то удивительная слѣпая *безотчетность*, не различающая полезной музыки отъ вредной. Люди нашего времени склонны думать, что всякая вообще музыка способствуетъ улучшенію нрава, и вовсе не подозреваютъ того, что могутъ быть мелодіи, которыя портятъ нравъ. При выборѣ піесъ руководствуются однимъ лишь тѣмъ соображеніемъ, — послышатъ ли онѣ пѣвцамъ или музыкантамъ, да пожалуй еще приличествуютъ ли времени — праздничному или траурному; а о томъ, какое дѣйствіе онѣ могутъ произвести на нравъ человѣческой, никто и мыслию не задается. Самое заявленіе наше, что различныя музыкальныя піесы и мелодіи могутъ соотвѣтствующимъ образомъ также различно дѣйствовать на нравъ и характеръ человѣка, могутъ улучшать и развращать его, рискуетъ быть встрѣченнымъ лишь усмѣшкой недовѣрія. А въ глубокой древности мысль эта принималась передовыми умами человѣчества съ полнымъ довѣріемъ и согласіемъ. Еще ранѣ Платона и Аристотеля философъ Пивагерь строго различалъ музыкальныя мелодіи по ихъ дѣйствію на душу человѣческую и ученикамъ своимъ поз-

волялъ упражняться далеко не во всѣхъ ритмахъ и гармоніяхъ безъ разбора. Въ школѣ Пифагара было твердое убѣжденіе, что „надлежащими мелодіями и гармоніями можно всякое чувство и всякое свойство духа превратить въ противоположное, лѣниваго побудить къ энергичной дѣятельности“ и т. под. ¹⁾.

Припомнимъ теперь, какъ сильно и согласно вооружались Платонъ съ Аристотелемъ противъ мелодій изнѣживающихъ, расслабляющихъ, приводящихъ въ вакхическій восторгъ, „изсѣкающихъ какъ бы нервы изъ души“; припомнимъ особенно, какъ рѣшительно высказывался Платонъ противъ печальныхъ и плаксивыхъ гармоній. Въ наше же время едва ли кому на мысль приходитъ, что такая музыка можетъ вредно дѣйствовать на людскіе нравы. Даже напротивъ,—вѣрхомъ музыкальнаго искусства почитается у насъ—растрогать слушателей до слезъ, если не до истерики; и въ такомъ именно искусствѣ поставляетъ себѣ идеаль почти каждый, занимающійся пѣніемъ или музыкой. Если нашъ вѣкъ зовется „нервнымъ“ и всюду слышатся жалобы на крайнюю нервозность современныхъ поколѣній, то съ увѣренностью можно сказать; значительная доля вины за такую слабонервность падаетъ на современную музыку. И разумѣется непростительно педагогамъ такъ слѣпо-безотчетно относиться къ столь могучему воспитательному средству!...

Древніе отцы и учителя церкви восточной также съ полнымъ довѣріемъ принимали эту мысль греческихъ философовъ, что различныя музыкальныя мелодіи весьма различно дѣйствуютъ на нравъ и поступки человѣческіе и потому къ нимъ слѣдуетъ относиться съ большимъ разборомъ. Напр., св. Василиій Великій съ совершеннымъ довѣріемъ передаетъ извѣстіе о музыкантѣ Тимоѳеѣ, „у котораго столько было искусства, что и возбуждалъ гнѣвъ созвучіями напряженными и жестокими, и опять укрощалъ и смягчалъ его созвучіями пѣжными. Симъ - то, говорятъ, искусствомъ, выигрывая однажды предъ Александромъ фригійскую пѣню, заставилъ его среди ужина взяться за

---

¹⁾ Cramer. Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume. Bd. II. S. 110.

оружіе, и потомъ, смягчивъ звуки, сдѣлалъ, что опять возвратился онъ къ пирующимъ ¹⁾“. Съ такимъ же довѣріемъ передаетъ онъ и разсказъ о Пифагорѣ, какъ онъ, „встрѣтивъ упившихся на пиру, свирѣльщику, который управлялъ пиромъ, велѣлъ, перемѣнивъ напѣвъ, заиграть на дорійскій ладъ, и пирующие такъ образумлены были этою игрою, что, сбросивъ съ себя вѣнки, разошлись со стыдомъ ²⁾“. И вотъ заключеніе великаго отца: „столько разности—наполнять ли слухъ сладкопѣніемъ здоровымъ, или негоднымъ“! Потому и юношамъ христіанскимъ онъ даетъ совѣтъ—„черезъ слухъ не вливать въ душу поврежденнаго сладкопѣнія. Ибо отъ такого рода музыки, обыкновенно, возникаютъ страсти—порожденія рабства и низости. А намъ должно учиться иной музыкѣ, которая лучше, и ведетъ къ лучшему, которою пользуясь. Давидъ, творецъ священныхъ пѣснопѣній, какъ говоритъ Писаніе, избавлялъ царя отъ неистовства ³⁾“. А еще ранѣе Василія Вел. св. Климентъ Александрійскій также умѣлъ различать и также порицалъ „пѣніе слишкомъ пѣжное и усладительное для слуха“ и потому „совѣтовалъ паствѣ своей избѣгать хроматическихъ мелодій, даже при домашнемъ упражненіи въ пѣніи ⁴⁾“.

Въ новѣйшее же время, повидимому, даже композиторы церковныхъ пѣснопѣній не всегда считаютъ нужнымъ различать „сладкопѣніе здоровое и негодное“. Равнымъ образомъ, и выбирающіе эти пѣснопѣнія для того или другого случая, и конечно ужь—сами поющіе, едва ли когда задумываются о томъ, какое *правственное* дѣйствіе произведутъ они на слушателей, создадутъ ли въ нихъ настроеніе и возбудятъ ли мысли, приличествующія святому мѣсту и

¹⁾ Твор. ч. IV, стр. 330.

²⁾ *ibid.* стр. 333.

³⁾ *ibid.* стр. 333 Основываясь на томъ, что въ данномъ мѣстѣ св. Василій Великій говоритъ совершенно рядомъ и одинаково о дѣйствіи на нравы мелодій дорійскаго лада и псалмовъ Давида, покойный проф. консерваторіи протоіерей Разумовскій пришелъ къ мысли, что „въ этомъ именно ладѣ написана была мелодія тревнихъ псалмовъ... Пшіе псалмовъ вѣроятно располагало душевными движеніями и усроцато порывы страстей. подобное же дѣйствіе производилъ и напѣвъ дорійскій“. Церковное пѣніе въ Россіи. Стр. 10.

⁴⁾ См. у пр. Разумовскаго, стр. 9.

времени. Не чаще ли всего преслѣдуютъ они цѣли чисто-эстетическаго наслажденія и эффекта?... А между тѣмъ, церковной нашей музыкѣ, происшедшей непосредственно отъ древне-греческой, особенно было бы прилично не забывать нравственно-воспитательныхъ задачъ, какъ прилично вообще дочери хранить и осуществлять завѣты матери. Тѣмъ болѣе это должно бы быть такъ, что, вѣдь, и слово Божіе повелѣваетъ намъ всѣмъ „*нѣтъ разумно*“ (Псал. 46, ст. 8).

Что сказать, наконецъ, о различныхъ *инструментахъ* и ихъ дѣйствіи на нравъ человѣческой? Развѣ теперь кто-нибудь повѣритъ, если мы скажемъ, что струнные и духовые инструменты также не безразличны для нравственнаго образованія? Павѣрное, такая мысль покажется дикою и нелѣпою. При своей некомпетентности, мы и не возьмемъ на себя смѣлости рѣшать этотъ вопросъ; но не можемъ не высказать сожалѣнія о томъ, что люди, авторитетные въ данномъ вопросѣ и могущіе произвести рядъ наблюденій и опытовъ, совѣмъ не задаются имъ.

Одно несомнѣнно для насъ: древніе философы гораздо глубже понимали музыку и серьезнѣе къ ней относились, при скудости музыкальныхъ средствъ своего времени ставила ей такія задачи, о которыхъ мы теперь и думать не смѣемъ, какъ они не смѣли думать о множествѣ мудреныхъ музыкальныхъ инструментовъ и вычурныхъ мелодій. У нихъ писались ученые трактаты, въ которыхъ вопросъ о музыкальномъ образованіи выяснялся, — если вѣрить Аристотелю, — „со всею строгостью философскаго *анализа* и съ ясною аргументаціею *самыхъ фактовъ*“. Этого-то послѣдняго — наблюденія и анализа фактовъ — у насъ нѣтъ. Врачи наблюдаютъ за измѣненіями въ человѣческомъ дыханіи и кровообращеніи подъ дѣйствіемъ той или другой — струнной и духовой — музыки ¹⁾; у педагоговъ же нѣтъ и мысли о какихъ-либо подобныхъ наблюденіяхъ. А между тѣмъ, только рядъ самыхъ разностороннихъ опытовъ и наблюденій дастъ возможность научно рѣшить вопросъ: *въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ содѣйствуетъ музыка нравственному образованію чловѣка*; только основываясь на такихъ

¹⁾ Дотель, Вліяніе музыки на чловѣка и животных. Стр. 78 — 93 (Казань, 1898 г.)

наблюденіяхъ, можно будетъ сознательно выбирать при воспитаніи полезныя мелодіи и инструменты, чтобы производить именно „тѣ возбужденія сердца, которыя или *укрѣпляютъ волю*, или *просвѣтляютъ разумъ*“.

А. Шостъинъ.
